

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94 (639.1)

ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ МАРИЯ ПАВЛОВНА (СТАРШАЯ): НЕМЕЦКАЯ ИАНА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ ОХОТЫ

Цельхова Елизавета Константиновна

Старший научный сотрудник, кандидат филологических наук,
Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
«Всероссийский научно-исследовательский институт охотничьего хозяйства и
звероводства им. профессора Б. М. Житкова»,
г. Киров, Россия
SPIN-код: 8763-8335

В статье рассматривается малоизученный аспект биографии великой княгини Марии Павловны Мекленбург-Шверинской (1854–1920), супруги великого князя Владимира Александровича. В истории императорского дома она известна прежде всего как создательница «альтернативного двора», конкурировавшего с двором супруги Николая II. Однако исследования источников позволяют выявить еще одну важную составляющую ее образа – страсть к охоте. Мария Павловна не ограничивалась пассивным присутствием на императорских загонных охотах, но активно стреляла сама, что вызывало недовольство части окружения и, в то же время, восхищение современников. Анализ дневников, воспоминаний и художественных источников XIX – начала XX вв. демонстрирует, что охота занимала особое место в ее жизни, определяя не только ее досуг, но и культурную репрезентацию личности. Великая княгиня предстает как уникальный пример женщины российской аристократии, соединявшей европейские традиции женской эмансипации с придворной охотничьей культурой.

Ключевые слова: Мария Павловна-старшая, императорский двор, охота, придворная охота, гендерные роли, российская аристократия, Беловежская пуца, Великий князь Владимир Александрович, придворные практики, традиции Романовых, женское участие в охоте.

GRAND DUCHESS MARIA PAVLOVNA (ELDER): THE GERMAN DIANA OF THE RUSSIAN IMPERIAL HUNTING

Tselykhova Elizaveta Konstantinovna

Senior Researcher, PhD in Philology
Russian Research Institute of Game Management and Fur Farming
Kirov, Russia

The article explores the little studied aspect of the biography of Grand Duchess Maria Pavlovna of Mecklenburg-Schwerin (1854–1920), wife of Grand Duke Vladimir Alexandrovich. Known as the organizer of the “alternative court” in late Imperial Russia, she also stood out for her deep passion for hunting. Unlike most aristocratic ladies, Maria Pavlovna was not a passive observer but an active participant in imperial hunts, earning mixed opinions from contemporaries. Based on different documents, this study shows that hunting occupied a significant place in her self-presentation and served as a medium of

cultural distinction. Thus, she embodied the image of a "German Diana" within the Russian imperial elite.

Keywords: Grand Duchess Maria Pavlovna, Russian Imperial Court, hunting, court hunt, gender roles, aristocracy, Białowieża Forest, Grand Duke Vladimir Alexandrovich, Romanov dynasty, noble leisure practices

Великая княгиня Мария Павловна Мекленбург-Шверинская (1854 – 1920), супруга великого князя Владимира Александровича – одна из наиболее ярких и неординарных личностей последних десятилетий российского императорского двора. Не оставаясь в тени супруга, в противоположность замкнутой и нелюбимой при дворе супруге Николая II она фактически создала альтернативный двор, который диктовал свою моду и свои взгляды. В работах, посвященных личности Марии Павловны и ее взаимоотношений с супругом и правящим домом, подчеркивали ее ум, энергичность, амбициозность [1, С. 72], способности блестяще справляться с ролью хозяйки салона самого высшего класса, любовь к украшениям и зарубежным поездкам, а также колоссальное влияние, которое она оказывала на мужа и детей [2, С. 88].

Однако ни в одном из исследований, включая такие солидные издания, как книга-альбом «Мекленбург-Шверинская принцесса Великая княгиня Мария Павловна – "выдающаяся леди Европы"» [3], изданная «Союзом друзей замка Шверина» («Verein der Freunde des Schweriner Schlosses e. V.») «Мария Павловна, великая княгиня российская, герцогиня Мекленбург-Шверинская: грани жизни между Шверином и Санкт-Петербургом» [4] и «Мария Павловна: покровительница искусств и общественный деятель» [5] не упоминается ещё одна значимая сторона личности Марии Павловны: ее страсть к охоте. Однако исследования, проведенные на основе анализа литературных источников (мемуаров и дневников современников, показали, что это увлечение играло значимую роль в ее жизни, являясь отражением специфического гендерного позиционирования, возникшего на почве европейского мировоззрения.

Следует отметить, что на рубеже XIX – XX вв. активно набирало обороты движение за эмансипацию женщин. Коснулось оно и таких консервативных областей как охота. В патриархальной России знатные женщины часто предавались этому занятию. Даже на страницах специальных периодических изданий появлялись статьи и заметки, написанные представительницами прекрасного пола. К примеру, одна из них, Мария Георгиевна Дмитриева-Сулима, автор первого крупного кинологического труда, написанного женщиной-охотником: «Лайка и охота с нею», первое издание которого вышло в 1898 г., а второе – в 1911 г. В своей статье «Женщина – спортсменка», выпущенной под псевдонимом М. Сулима и опубликованной в 1898 г. в журнале «Псовая и ружейная охота», она писала, что женщину-спортсменку, образ которой сменил несколько негативный и нездоровый образ женщины – теософки, вегетарианки, нигилистки и «синего чулка», в европейских странах заметила печать и «любезно встретило мужское общество». Автор задавалась вопросом, какое влияние окажет эта «получившая право гражданства в Европе мода на спорт среди женщин на наших гг. охотников и на наше общество» [6, С. 100] и подчеркивала желательность развития в представительницах «слабого» пола спортивных наклонностей, хоть это, по ее мнению, могло привести к тому, что мужчины вынуждены будут «в некоторых случаях, что называется, "подтянуться"».

Проведенное нами исследование демонстрирует, что великая княгиня Мария Павловна во многих аспектах «заставляла подтянуться» вальяжных представителей императорского дома: она во многом не уступала представителям мужского пола, а в некоторых аспектах, возможно, и превосходила их, в частности являясь активной

участницей охотничьих мероприятий, и имела собственное европеизированное видение этой традиции.

Но для начала следует сказать несколько слов о личности Марии Павловны. Наиболее значимую информацию о ней можно получить из воспоминаний современников. Так генерал-лейтенант А. А. Мосолов, начальник канцелярии Министерства Императорского Двора и Уделов, в своих воспоминаниях писал: «Великая княгиня Мария Павловна ... умная, образованная и любознательная женщина, представляла удивительно подходящую пару для Владимира Александровича ... Великая княгиня окружала себя выдающимися людьми и в своем дворце в Петербурге, и в многочисленных зарубежных поездках. Вела она и обширную переписку с многими видными деятелями Европы. Сходство ума ее с императрицей Екатериной доходило до того, Марию Павловну считали свободомыслящею. В действительности она была передовой женщиной и считалась с условиями времени» [7, С. 56].

Когда попытки Марии Павловны стать наставницей супруги Николая II в светских делах, которые в совокупности определяли успех или неудачу каждой женщины при дворе, были холодно отвергнуты, она, будучи женщиной властной и вспыльчивой, дала волю своему язвительному языку, комментируя все, что бы ни сделала племянница. Хотя поначалу именно великая княгиня одна из немногих приняла молодую соотечественницу.

Положение усугублялось еще и тем, что ее двор был, в отличие от Большого двора, открытым; все модные художники конца XIX и начала XX века были приняты при дворе президента Академии художеств. Ее двор затмевал двор императрицы. В Санкт-Петербурге именно она была центром любого события в высшем обществе. Ее высказывания повторялись потом по всему городу.

Важнейшую роль при этом, безусловно, играли ее живой ум и развитый интеллект. Мосолов же упоминает случай, когда во время поездки Великого князя Владимира в 1907 г. в Болгарию в качестве представителя России при открытии памятника Александру II в Софии в день большого банкета в честь российских гостей он мог лишь очень быстро и кратко рассказать великой княгине о важных персонах болгарского общества, с которой ей предстояло общаться на приеме. Однако несмотря на столь жесткие условия, великая княгиня вела оживленную и изысканную беседу с людьми, которых видела впервые в жизни, не сделав ни единой ошибки. Когда после приема Мосолов поздравил ее с дипломатическим успехом, она ответила: «Каждый должен знать свое ремесло. Можете передать эту фразу Большому двору» [7, С. 56].

Свое «ремесло» Мария Павловна знала в совершенстве. Чувство вкуса и умение «держатъ лицо» при любых обстоятельствах передалось ей от матери, Августы Матильды Вильгельмины Рейсс-Шлейц-Кестрицкая принцессы Рейсская, в браке великой герцогини Мекленбург-Шверинской, по свидетельствам Кирилла Владимировича Романова: являвшей собой «образец самодисциплины и утонченности, присущих старому веку» [8].

В противоположность почитателям, сторонники Николая II отзывались о Марии Павловне крайне негативно. Так А. А. Половцов, государственный и общественный деятель, сенатор, государственный секретарь и действительный тайный советник в 1897 г. писал: «Владимир – умный, сердечно добрый, более других образованный, много путешествовавший, к сожалению, с самого детства был склонен к лени, рассеянности, обжорству. За последние годы попал под влияние своей жены, которая, пагубно влияет на нравственные его стороны. Эта женщина, преисполненная тщеславия, алчности ко всякого рода низшего сорта развлечениям и удовольствиям, окружила себя и мужа презреннейшими людьми, готовыми на всякий дрянной поступок, могущий доставить им выгоду от великой княгини Марии Павловны» [9, С. 196]. В записи от 11 марта 1901 г. он снова высказал критику отношений великого князя и его жены: «Суббота. Заходил к нам великий князь Владимир Александрович ... Очень опустился, осунулся, состарился бедный великий князь, видно, нелегко ему командование Марии Павловны» [9, С. 274].

Ещё один штрих к портрету этой неординарной женщины А. А. Половцев добавляет записью от 13 августа 1900 г., в которой приводит диалог Николая II и правоведа и государственного деятеля, доверенного лица императора Александра III К. П. Победоносцева о возможности женитьбы великого князя Михаила Александровича на Елене Владимировне, которую, якобы, очень хотела устроить Мария Павловна. В ответ на сомнения Императора относительно возможности такой женитьбы по закону, Победоносцев якобы сказал: «Да для Марии Павловны никакие законы не писаны» [9, С. 274].

Неудивительно, что у некоторых представителей двора с ней сложились «невыносимые» [9, С. 356] отношения. Но что же, за исключением неприязни к супруге Николая II могло послужить причиной такого ее восприятия?

С одной стороны – подчеркнутая привязанность к всему немецкому. Служанок для нее предпочтительно набирали из немок [8], а православие она приняла только в 1909 г., тогда, когда появилась перспектива того, что ее старший сын сможет наследовать российский престол. Однако необходимо учесть, что женитьба на немецких принцессах, как известно, была традиционной для дома Романовых. Немками были, к примеру Софья Августа Фредерика Ангальт-Цербстская, будущая Екатерина II, Мария Федоровна (1759-1828 гг.), урожденная принцесса София-Доротея-Августа-Луиза Вюртембергская, с 1776 г. жена Павла I, великая княгиня, императрица, Елизавета Алексеевна (1799-1825 гг.), урожденная принцесса Луиза-Мария-Августа Баден-Дурлахская, жена Александра I, Мария Александровна (1824-1880 гг.), урожденная принцесса Максимилиана-Вильгельмина-Августа-София-Мария Гессен-Дармштадтская, жена Александра II и т.д.

Другое объяснение нелюбви к яркой и сильной личности Марии Павловны можно найти в воспоминаниях ее племянницы и тезки, Марии Павловны (младшей), дочери великого князя Павла Александровича и греческой принцессы Александры Георгиевны. Она писала: «... принцесса, которая выделялась своими интеллектуальными способностями или стремлением к интеллектуальной деятельности, если она выходила за рамки обычной благотворительности, вызвала зависть, критику и иронию окружающих. Интеллектуальная посредственность была и убежищем, и защитой; это не было особенностью монаршего быта только в России» [10].

Свою тетку она описывала как идеальный объект такой критики: «Умная, полная энергии и инициативы, она не пользовалась благосклонностью двора, боявшегося ее независимости и довольно острого языка. В то время она была единственной великой княгиней, которая любила и умела развлекаться. Она собирала вокруг себя не только местную элиту, но и дипломатов и иностранцев, приезжающих в Петроград. Они уважали ее за ум и были очарованы ее обаянием» [10].

Яркий и неординарный характер Марии Павловны проявлялся в полной мере и на Императорских охотах: к примеру, она стреляла сама, при этом одеваясь в европейский охотничий костюм с относительно короткой юбкой. Прочие же дамы сидели на номерах рядом с кем-то из мужчин. Вот, что писала, к примеру, великая княжна Татьяна Николаевна великой княгине Ксении Александровне 21 сентября 1912 г. об охоте в Беловеже: «Моя милая тетя Ксения... В Беловеже было ужасно весело. Мы ездили с Папа на охоту, Ольга и я. Мария была с Анастасией только два раза. Я стояла два раза у Папа на номере, раз у князя Голицына, раз у кн. Белосельского и раз у Дрентельна. Ужасно было хорошо» [11, 12-13].

Кроме того, Мария Павловна превосходно ездил верхом: эта лихая наездница вызвала восхищение не то только у своей свиты, но и у гвардейских офицеров-кавалеристов, с которыми с удовольствием «скакала галопом» [8]. При этом нужно учесть, что некоторые великие князья, в частности сам Владимир Александрович, верховую езду не любили. Кстати, именно в личном фонде Марии Павловны в ГАРФ сохранился документ, детально представляющий конные состязания 1900 г., проходившие в Михайловском Манеже под патронажем Комитета «Общества поощрения полевых достоинств охотничьих собак и всех видов

охоты», в 3-й день которых, проводились состязания на «Приз "Охотничий" в 425 р., для ездовых-охотников, при условии пройти все препятствия полевым галопом, не переменяя аллюра с начала скачки до ее окончания ...» [12, 2].

Охотничья страсть, скорее всего, зародилась в Марии Павловне не под влиянием ее супруга, а ещё на родине, в великолепных охотничьих угодьях Мекленбург-Шверина. Великий князь Кирилл Владимирович писал: «Отец очень любил ездить в Шверин, так как был страстным охотником, а окрестные леса были идеальным угодьем для охоты на оленей. Позднее я тоже раз или два охотился там» [8]. Осенью 1889 г. егермейстер Высочайшего Императорского двора Михаил Владимирович Андреевский также ездил в Шверин вместе с великим герцогом Мекленбург-Шверинским Фридрихом Францем III и его супругой великой княгиней Анастасией Михайловной. «Жили в Гелбензонде, летней резиденции Гросгерцога. Он очень обязательно предоставил мне охоту на оленей (благородных) со швайхундами (кровяными гончими. – Е. Ц.). Застрелил одного в Ясинце. Интересная охота и чудно устроена» [13, С. 510].

Независимое поведение Марии Павловны вызывало недовольство у ее августейшего деверя. А. А. Половцев вспоминал: «она очень довольна разыгрывать роль императрицы несмотря на то, что это бесит государя» [9, с. 239]. Н. А. Вельяминов, личный врач Александра III писал в своих «Воспоминаниях ...»: «Не любил Государь и активного участия дам на охоте и дамских охотничьих костюмов. Сужу об этом потому, что Государь, показывая мне сам один из альбомов Зичи, того года, в котором на охотах принимала участие Вел. Княгиня Мария Павловна, остановил мое внимание на рисунке, изображавшем Вел. Княгиню в короткой юбке и тирольской шляпе, и с усмешкой добавил: "А вы видели, как она нарядилась". Говорили, что Государю настолько не нравились костюмы Великой Княгини и то, что она стреляла, что Он перестал приглашать ее в Спалу, почему в этом году Вел. Князь и был в Спале без жены» [14, С. 276-277].

Охотничьи костюмы Великой княгини обращали на себя не только внимание Императора. Великая княжна Ксения Александровна в своем письме от 14 сентября 1892 г. к Александре Александровне Оболенской (урожденной Апраксиной) с охоты в Спале писала: «...Д (дядя). Владимир уедет отсюда раньше нас, т.к. ему надо ехать в Weimar, жаль, что мы не увидим т (тетю) Михен в Скерневицах в ее чудном costume de chasse (охотничьем костюме)! Наверное, что-нибудь новое было приготовлено» [15].

Это позволяет предположить, что Великая княгиня была единственной дамой, надевавшей на охоты особое охотничье платье. Действительно, на акварелях, посвященных «Охота 27 сентября 1890 года в Скверницах» [16, С. 427-430], где пером и кистью придворного художника М. А. Зичи описаны быт и особенности проведения императорских охот в этой резиденции Александра III в Ловичском княжестве, имеется несколько изображений, позволяющих судить о поведении и внешнем виде дам на охоте. Очень показателен рисунок «Охота 27 сентября 1890 г. Скерневицы». Так Великая княжна Ксения, дочь Императора, изображена в длинной юбке в синюю клетку и шляпке, наряде, более подходящем для прогулки, нежели для охоты. В похожем наряде изображена и ее мать. А на рисунке слева внизу – совершенно другая картина: полная женщина – Великая Княгиня Мария Павловна в охотничьем костюме стреляет сама, а находящиеся рядом мужчины внимательно наблюдают за результатами выстрела.

Николай II в своем дневнике в этот день писал: «В поле был круг – котел, по-здешнему, мы шли с загоном к флагу. Остальные загоны происходили в лесу. Стреляли много. Завтракали большим обществом. Тётя Михень (Мария Павловна. – Е. Ц.) тоже стреляла» [17, С. 37].

Рисунок 1 – Фрагмент рисунка М. Зичи «Охота 27 сентября 1890 года. Скверницы», копия с репродукции, размещенной в книге «Придворная охота. Каталог к выставке Исторического музея. 26 сентября 2002 – 20 февраля 2003» (с. 330)

Надо сказать, что Александр III был непоследователен в этих своих высказываниях, поскольку своей супруге Марии Федоровне он позволял намного более опасные охотничьи приключения: для Императрицы, бывшей отличной и смелой наездницей, устраивались особые охоты на французский манер: преследование оленя верхом с гончими (*chasse a eoers*). Причем делала это отдельно от августейшего супруга: Николай II писал о том, что в том же сентябре 1890 г. Мария Федоровна шестого числа «с Ксенией и своими гостями отправилась на собственную охоту» [17, С. 33], а одиннадцатого числа снова «поехала на собственную охоту» [17, С. 34]. В книге «Императорская охота во владениях Ловичского княжества в 1884 г.» имеется свидетельство того, что со 2 по 7 сентября ее сопровождала и Мария Павловна [18, С. 3, 8, 9.]. Кстати, 12 сентября, после ее отъезда императрица изволила отправиться на специально для нее организованную парфорсную охоту в сопровождении графа Берга, принца Альтенбургского и полковника Шереметева [18, С. 24-28]. В указанном источнике имеется подробное описание лихой скачки маленькой императрицы за оленем, преследуемым стаей собак.

Присутствовала Мария Павловна и на последней охоте императора Александра II в Беловежской пушке в конце августа 1894 г. Однако в таблице «Сведения об охотах, проводившихся с 22-го августа по 3-е сент. 1894 г.» сведений о дичи, добытой Марией Павловной не приводится [18, 374].

На последующих охотах в Беловежской Пушке Мария Павловна также отвергала роль пассивной наблюдательницы, предпочитая сама стрелять «на штанде». Однако выезжать на охоты ей приходилось лишь в обществе мужа: с Императором Николаем II и его семьей отношения также не складывались.

В книге Карцова «Беловежская пушка» имеется упоминание о том, что первая охота на оленя на реву с подъезда была организована в пушке для Великого князя Владимира Александровича и Великой княгини Марии Павловны в сентябре 1902 г. [19, 246]. Он писал: «... охотничий отстрел вновь производился в Пушке ещё один раз, в сентябре 1902 г. Это была охота Великого Князя Владимира Александровича и Великой Княгини Марии Павловны. Их августейшие высочества прибыли в Беловеж 14-го прошлого сентября. Августейших посетителей Пушки сопровождали г-жа Петерс, Д. К. Нарышкин и полковник Галл. О приезде Великого князя и Великой княгини пушинская администрация была оповещена за полторы недели, а потому особо тщательных приготовлений к производству охоты не могли предпринять и тем более, что предполагалось охотиться лишь пиршем (скрадом. – Е. Ц.). Олени, хоть и ревели хорошо, дружно, без перерывов, случающихся иногда при неблагоприятной погоде или при беспокойстве, но рев шел вразброд и по всей Пушке, а не на отдельных местах, и с 24-го сентября стал заметно ослабевать. С подъезда и подхода охотились каждое утро. Этот способ охоты в Пушке производился впервые. За недостатком

подъездных дорог к районам рева, зачастую приходилось пользоваться обыкновенными охотничьими дорогами и просеками, а для подхода – тропами, и даже прокрадываться целиной. Перехватывать и встречать выстрелом ходового зверя удается именно там, где пиршевые дороги извиваются по всему району охоты; тут же приходилось отказываться от преследования лучших экземпляров, удаляющихся от просек и дорог. Стреляли только по случайному зверю. Некоторые обер-егеря, сопровождавшие охотников, впервые являлись в роли проводников на пирше. При всех этих неблагоприятных в подобной охоте обстоятельствах, тем не менее, с подхода и подъезда было взято 22 оленя. Их императорские Высочества и приглашенные гости ежедневно выезжали на охоту около 4-х утра и возвращались к 8-ми; во дворце завтракали в 10 часов, а в 11 выезжали на облавы, производившиеся не в лучших по количеству зверя местах Пуцци, а по окраинам, дабы не тревожить оленьего рева ... Великая Княгиня не пропускала ни одной облавы, во время которых, стоя на стенде с г-жей Петерс (старой мекленбургской подругой. – Е. Ц.), иногда останавливала выстрелами трех зверей в течении одного загона, стреляя из штуцеров по крупной дичи и меняя их на дробовики против козлов, зайцев и, пера и лисиц. Некоторые облавы велись обычным порядком, принятым в высочайших охотах, с той лишь разницею, что зверя гоняли не солдаты, а крестьяне, но кроме того в этот раз впервые в Беловеже стали применять контр-загоны с шумом по кварталам, только что прогнанным обыкновенным загонном, и при этом случалось, что на стрелковую линию выходило больше зверя, чем при обыкновенном способе... Охоты Великого Князя продолжались до 29-го сентября. Всего за 15 дней было взято: 1 зубр, 3 лося, 39 оленей, 12 даниэлей (ланей. – Е. Ц.), 51 козел, 36 кабанов, 5 зайцев, 1 рябчик и 3 лисицы, а всего 151 штука. В последовавшие за охотой дни было найдено ещё 3 оленя, 2 даниэля и 1 кабан, павшие от ран» [19, С. 392-393].

Рисунок 2 – Ее императорское высочество В. К. Мария Павловна на штанде во время гона. Фотография из книги Г. П. Карцова «Беловежская пуцца» (с. 392)

Об участии Марии Павловны в охотах писал в своих «Охотничьих записках и дневниках» и егермейстер Михаил Владимирович Андреевский. Так в 15 февраля 1881 года он упоминает о том, что в этот день, после его удачной охоты на медведя, в Торбино поехал Наследник престола с супругой и великий князь Владимир Александрович с Марией Павловной, граф Воронцов и В. А. Шереметев где для них была подготовлена охота на четырех медведей [13, С. 124].

По его же информации в 1887 г. великая княгиня с мужем с 22 по 27 октября принимала участие в охотах в Скверницах, а затем в Спале [13, С. 465]. 23 сентября 1888 г. великая княгиня и великий князь принимали участие в облаве у В. И. Асташева недалеко от села Высоцкое за Красным селом. Одиннадцатью охотниками за этот

день было добыто в общей сложности 170 экземпляров дичи [13, С. 509]. 14 и 16 октября 1889 г. великий князь Владимир Александрович приглашал Андреевского на «Царскую охоту» в окрестностях Гатчины (у Пудости и у станции Владимировки, в которых также принимала участие Мария Павловна, «очень хорошо стрелявшая, даже дичь в лет») [13, С. 686]. Обращает на себя внимание то, что «Царская охота» была оставлена Государем Владимиру Александровичу на время своего отъезда, чем, видимо и воспользовалась великая княгиня, чтобы придаться любимой забаве.

Таким образом, Мария Павловна предстает не только как влиятельнейшая придворная дама и покровительница искусств, но и как одна из представительниц нового типа женщин Российской империи. Активно участвовавшая во всех областях жизни, в том числе и в охоте, традиционно считавшейся мужской прерогативой, она являлась не только полной противоположностью покорным императорским и великокняжеским женам прошлого, но и яркой представительницей новых европейских гендерных тенденций. Ее смелое и самостоятельное поведение сделало ее своеобразной «немецкой Дианой» российского императорского охотничьего общества, чей образ ярко выделяется на фоне более консервативной, в целом, пассивной и серой придворной среды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Черкасская Н. А. Образы великих княгинь Елизаветы Федоровны и Марии Павловны-старшей в источниках личного происхождения представителей дома Романовых и приближенных (конец XIX – начало XX в.) / Н. А. Черкасова // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2019. – № 3 (23). – С. 68–76.
2. Чувардин Г.С. Перипетии семейной жизни великого князя Владимира Александровича. «Добрый барин»: великий князь Владимир Александрович – между «старой» и «новой» Россией (окончание) / Г.С. Чувардин, И. В. Гончарова, О.А. Харченко // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2022. – № 3 (96). – С. 87-92.
3. Корнева Г. Н. Мекленбург-Шверинская принцесса Великая княгиня Мария Павловна – выдающаяся леди Европы / Г. Н. Корнева, Т. Н. Чебоксарова. – Санкт-Петербург: Информ. об-ние «Лики», 2013. – 155 с.
4. Maria Pawlowna. Großfürstin von Russland, Herzogin von Mecklenburg-Schwerin: Facetten eines Lebens zwischen Schwerin und St. Petersburg / Verein der Freunde des Schweriner Schlosses e.V. – Schwerin: Verein der Freunde des Schweriner Schlosses, 2015. – S. 147 s.
5. Seifert R. Maria Pawlowna: Förderin der Künste und soziale Wohltäterin / Rita Seifert. – Weimar: Weimarer Verlagsges, 2012. – S. 286.
6. Сулима М. Г. Женщина-спортсменка / М. Г. Сулима // Псовая и ружейная охота. – 1898. – №8. – С. 99-100.
7. Мосолов А. А. При дворе императора / А.А. Мосолов. – Рига: Филин, 1938. – 232 с.
8. Романов К. В. Моя жизнь на службе России [Электронный ресурс] / URL: <https://imperialhouse.ru/rus/monograph/monograph/kirill-vladimirovich-imperator-moya-zhizn-na-sluzhbe-rossii-spb-lik-rossii-1996-334-s.html> (дата обращения: 20.07.2025).
9. Половцов А. А. Дневник. 1893-1909. / А. А. Половцев // Санкт-Петербург: Алетейя, 2014. – 702 с.
10. Романова М. П. Воспоминания великой княжны. Страницы жизни кухни Николая II. 1890-1918. [Электронный ресурс] / URL: <https://www.litres.ru/book/mariya-romanova/vospominaniya-velikoy-knyazhny-stranicy-zhizni-kuziny-niko-618715/> (дата обращения: 23.07.2025).
11. Романова Т. Н. Письмо к великой княгине Ксении Александровне от 21 сентября 1912 г.; цит. по: «Придворная охота. Каталог к выставке Исторического музея. 26 сентября 2002 – 20 февраля 2003» / Научный редактор и составитель И. Н. Палтусова. – Москва: Художник и книга, 2002. – 432 с.

12. Программа скачек, устраиваемая комитетом общества поощрения полевых достоинств охотничьих собак и всех видов охоты. – Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 655. Оп. 1. Д. 750. 2 л.

13. Андреевский М. В. Охотничьи записки и дневники егермейстера М.В. Андреевского / М. В. Андреевский. – Москва: ред.-изд. журн. «Природа и охота» и «Охотничья газ». Н.В. Туркин, 1909. – С. 510.

14. Вельяминов Н. А. Воспоминания об Императоре Александре III / Публ. [вступ. ст. и примеч.] Д. Налепиной // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. – М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. – С. 249—313.

15. Романова К. А. Письмо Оболенской А. А., 14 сентября 1892 г. Спала [Электронный ресурс] / URL: https://runivers.ru/new_htmlreader/?book=5606&chapter=84106 (дата обращения: 20.07.2025).

16. Зичи М. А. Охота 27 сентября 1890 года. Скверницы (репродукция) // Придворная охота. Каталог к выставке Исторического музея. 26 сентября 2002 – 20 февраля 2003 / научный редактор и составитель Палтусова И. П. – ИПЦ «Художник и книга», 2002. – С. 432.

17. Романов Н. А. (Николай II (император; 1868-1918)). Дневник императора Николая II (1890-1906 гг.) // Н. А. Романов – Берлин: Слово, 1923. – 272 с.

18. Малыгин Н. Императорская охота во владениях Ловичского княжества в 1884 г. / сост. Н. Малыгин. – Варшава: тип. и словолитня Левенталя, 1886. – 36 с.

19. Карцов Г. П. Беловежская Пуца: Ее ист. очерк, соврем. охотничье хоз-во и высочайшие охоты в Пуце / Г. П. Карцов. – Санкт-Петербург: артистич. заведение А.Ф. Маркс, 1903. – 414 с.